

*С. К. Лащенко**

**ПУТЕШЕСТВУЮЩИЙ ДИЛЕТАНТ И «КАМЕННЫЙ» КНЯЗЬ»
(М. И. ГЛИНКА И ВОЛКОНСКИЕ)****

Статья 1

Статья посвящена проблемам «глинкинского круга». Ее герой — министр П. М. Волконский. На основании многочисленных исторических свидетельств и писем восстанавливается история первого делового контакта композитора с главой рода Волконских, прослеживается история причастности министра к первому европейскому вояжу Глинки в Италию и роль, сыгранная в ней певчим Придворной Певческой Капеллы Николаем Кузьмичом Ивановым, будущим известным европейским певцом.

Анализируются подробности путешествия Глинки по Италии, причины отъезда музыканта из страны, характер его поведения и отношения к «невозвращенцу Иванову».

Ключевые слова: М. И. Глинка, «глинкинский круг», Петр Михайлович Волконский, Николай Кузьмич Иванов, Иван Николаевич Глинка, Италия.

S. K. Lashchenko

THE TRAVELING AMATEUR AND “THE ‘STONE’ PRINCE”

(M. I. Glinka and Volkonsky)

Article 1

The article is dedicated to the problems of the “Glinka’s circle”. Her hero is Minister Peter Mihailovich Volkonsky. Based on numerous letters and historical memories, the history of composer’s first business contact with the head of the Volkonsky family is restored. Analyzed also the history of the minister’s involvement in Glinka’s first European voyage to Italy and the role played in it by the singer of Court Singing Chapel Nikolai Kuz’mich Ivanov, the future famous european singer, are traced.

* Лащенко Светлана Константиновна, доктор искусствоведения, заведующая Сектором истории музыки, Государственный Институт искусствознания (Москва); vreikh@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00277 «М.И. Глинка: pro et contra. Личность и художественное наследие Глинки в контексте рецепции и интерпретации».

The article also analyzed the details of Glinka's journey through Italy, the reasons for musician's departure from Italy, the nature of his behavior and his attitude to Ivanov.

Keywords: M. I. Glinka, "Glinka's circle", Peter Mihailovich Volkonsky, Nikolai Kuz'mich Ivanov, Italy.

В ряду людей, окружавших М. И. Глинку и сыгравших в его судьбе существенную роль, немаловажное место занимали представители знаменитого рода Волконских.

История рода Волконских восходит, по легендам, к XIV столетию. За долгое время его представители были воеводами, стольниками, окольными. Их жаловали в бояре, заносили в родословные книги. Волконские были известны своими военными подвигами, горячностью, упрямством. Генералы, офицеры, видные чиновники, посланники в Европе, они достойно представляли свою фамилию. Под стать мужчинам были и женщины из рода Волконских. Красавицы, пользовавшиеся колоссальным успехом у представителей противоположного пола, упрямцы, действовавшие, зачастую, вопреки мнению окружающих, светские львицы, обладавшие некой «чудинкой», они всегда оставались в центре внимания современников, знали это и виртуозно пользовались этим.

В первой половине 1830-х гг. самым авторитетным представителем семьи был Петр Михайлович Волконский (1776–1852) — герой наполеоновских войн, гордость России. О его военных подвигах знала без преувеличения вся русская армия. Аустерлиц был первым, но далеко не единственным военным испытанием в его жизни: о бесстрашии, удачливости, выносливости, хладнокровии П. М. Волконского ходили легенды, а его стратегическое мышление не раз становилось залогом успешности военных операций. Не случайно именно П. М. Волконскому довелось лично подписать ордер на арест Наполеона, и уже тем при жизни войти в мировую историю.

Однако, вéдомо о П. М. Волконском было и другое: в 1823 г., не согласившись со сметой военного министерства, представленной А. А. Аракчеевым на утверждение императору, князь демонстративно подал в отставку. Видимо, тогда он и заслужил в светском обществе прозвище «Каменный князь» или «князь Нет», закрепившееся за ним на все последующие годы. Александр I, увлеченный идеями Аракчеева, прошение подписал. Впрочем, отставка князя была недолгой. Уже в 1824 г. он вернулся на службу.

Возобновились и близкие отношения с императором. Павлу Михайловичу было суждено присутствовать при кончине Александра I в Таганроге, заведовать всеми приготовлениями и распоряжениями по отправке тела в Петербург. Легенды о загадочном старце Федоре Кузьмиче, возникшие в обществе фактически сразу по смерти императора, окрасили имя П. М. Волконского в мистические тона, сообщив его облику inferнальные черты хранителя Великой Тайны, причастность к которой он не опровергал, но и не подтверждал.

К 1830-м гг. за спиной П. М. Волконского было доблестное офицерское служение, блестящие военные операции, умные организационные реформы армии, немалые административные успехи. Он был известен как человек, принесший присягу Николаю I, принятый в его ближний круг, хотя — вот он,

один из многих парадоксов русской истории! — семья князя оказалась непосредственно причастна к трагическим событиям декабря 1825 г.

В 1826 г. П. М. Волконский получил место управляющего Кабинетом Императора и главы новой государственной институции — только что созданного Министерства Императорского двора и уделов, которое он занимал более четверти века.

В круг непосредственных служебных обязанностей П. М. Волконского — министра входило, наряду с прочим, курирование работы Дирекции Императорских театров и Придворной певческой капеллы. Умело составляя проекты решений, подавая тот или иной вопрос в нужном свете, оставляя при этом окончательное решение на усмотрение государя, П. М. Волконский на протяжении многих лет являлся серым кардиналом русской художественной, и в частности музыкальной, жизни. Князь входил в мельчайшие детали деятельности театральной и хорового коллективов, лично знал многих членов театральной администрации, руководство капеллы, артистов, певчих, принимая участие в наиболее одаренных из них.

Именно потому П. М. Волконский оказался причастен к судьбе одного из одаренных певчих капеллы — Николая Кузьмича Иванова. А близкие контакты Н. К. Иванова с М. И. Глинкой вовлекли в круг героев весьма запутанной истории отца Глинки, отставного капитана Ивана Николаевича Глинку. Все они явились участниками большого и сложного предприятия, целью которого стал выезд молодых музыкантов за рубеж, в Италию. Министр как официальное лицо, способствовавшее решению вопроса, И. Н. Глинка — как поручитель двух юношей, взявший на себя (хотя и не без внутренних сомнений) ответственность (в т. ч. и финансовую) за героев затевавшегося вояжа.

Ситуация, в которой вскоре оказалось четверо таких разных людей, заслуживает того, чтобы быть описанной подробно.

...В марте 1830 г. на стол руководителя Капеллы, Ф. П. Львова, легло Прошение от придворного певчего 14-го класса Н. К. Иванова об «исходатайствовании <...> у Милостивого Монарха позволения ехать для образования себя в Италию на два года, с приличным для того содержанием» [6, с. 62]. Прошение это, вошедшее в «Дело об увольнении в отпуск за границу на два года придворного певчего Николы Иванова», хранящееся в РНБ, имело знаменательное, с точки зрения интересующей нас проблемы, завершение:

При сем осмеливаюсь представить, что известный Вашему Превосходительству своим талантом и познанием, любитель музыки Г. Глинка, отправляется в мае месяце сего года в Италию, и предлагает мне свое товарищество, которое для достижения моей цели будет весьма полезно [6, с. 62].

Ф. П. Львов, согласно утвержденной процедуре, направил рапорт о Прощении Иванова в Министерство Императорского двора. От себя же добавил личную просьбу о поддержке ходатайства, заметив:

К выполнению намерения Иванова представляется весьма удобный случай, ибо один смоленский советник в отставке, страстный охотник до музыки, и часть сию весьма знающий, предлагает ему свое товарищество, едет же он, Глинка, в бу-

дущем мае из России в Эмс взять курс лечения, а оттуда в Неаполь или Милан, в академии учиться вообще музыке [65, с. 63].

Видимо, с этого прошения в орбиту внимания П. М. Волконского как министра и вошел М. И. Глинка. Хотя не исключено, что Волконский знал о популярных глинкинских вокальных и инструментальных миниатюрах, созданных композитором к тому времени. Возможно, Волконский даже слышал произведения Глинки в каком-либо частном музыкальном собрании Петербурга. Но личных встреч у них в ту пору не было, и для главы Министерства Императорского двора имя Глинки было «всего лишь» именем одного из русских путешествующих дилетантов, меломанов, каких было в ту пору в России немало. С этой точки зрения справедливо суждение Е. М. Петрушанской: «Поездка <...> дилетанта Глинки, по сути, являлась чисто личным, приватным делом» [5, с. 117], делом, продолжим, удачно совпавшим с государственным, по сути своим, делом Иванова.

Дело певчего, решавшееся на высшем государственном уровне, очень быстро продвинулось. Уже к концу месяца по нему было получено решение. Исследователь биографии Иванова отмечал:

25 марта 1830 года Министр Двора князь П. М. Волконский присылает директору Капеллы копию с Высочайшего повеления об увольнении в отпуск за границу на два года Придворного певчего 14-го класса Николая Иванова и три письма на имя посланников в Турине, Риме и Неаполе для передачи Иванову, который должен будет их предъявить при появлении в этих итальянских городах. В самом Высочайшем повелении на имя Обер-гофмаршала Нарышкина, от 22 марта 1830 года дано указание уволить Иванова в отпуск за границу с сохранением ему жалования и выдать ему на дорогу 1000 рублей ассигнациями из Кабинета Его Величества [6, с. 64].

Практически сразу после решения бюрократических проблем последовали сборы, оформление необходимых бумаг, получение средств, и наконец Иванов, полностью готовый к поездке, выехал в имение родителей Глинки за своим попутчиком, а 25 апреля 1830 г., уже вместе с Михаилом Ивановичем, отправился в путь.

О самой поездке молодых музыкантов в Италию сегодня написано уже немало. Однако до сих пор вне поля зрения исследователей оставалась та роль, которую сыграл в ней П. М. Волконский, ставший не только одним из инициаторов отправки Иванова и Глинки за границу, но и непосредственным участником всей развернувшейся там «итальянской интриги».

Как известно, российские чиновники обязали Иванова сообщать своему непосредственному начальнику, директору Капеллы Ф. П. Львову, о перемещениях по Италии и всех музыкальных занятиях. Нужно отдать певчему должное: по первому времени он выполнял обязательство вполне добросовестно. При этом, направляя искомые рапорты, неизменно подчеркивал роль М. И. Глинки в продвижении к намеченной цели. Так, в первом письме-отчете Иванов писал:

Отправляясь за границу в мае месяце с Михаилом Ивановичем Глинкою, мы продолжали путь благополучно до Дрездена <...>. В Милан прибыли в начале

сентября, где желали немедленно приступить к занятиям <...>. Чтобы не терять времени, я со тщанием занимался изучением итальянского языка, без познания которого нельзя приступить к Итальянскому пению, но успехи в оном, по незнанию другого иностранного языка, при всем моем прилежании и старании Михаила Ивановича Глинки, не могут быть столь быстры, сколь было бы желательно (Из письма Н. К. Иванова Ф. П. Львову, 3 ноября 1830 г.) [6, с. 74–75].

Позднее Иванов еще раз подчеркивал: «...я продолжаю заниматься итальянским языком с Михаилом Ивановичем Глинкою, и уже начинаю его несколько понимать...» (Из письма Н. К. Иванова Ф. П. Львову. 13 января 1831 г., Милан) [6, с. 80].

Как уже упоминалось, выезжая, Иванов получил на руки три рекомендательных письма от П. М. Волконского, адресованных посланникам России в Турине, Риме и Неаполе. Посланником в Турине, куда путешественники направились из Милана, был в то время граф И. И. Воронцов-Дашков (вплоть до сентября 1832 г.). Он-то, познакомившись с русскими музыкантами, поддержал первое ходатайство Иванова об увеличении суммы, выделенной на поездку. Причем, что достаточно странно, не только для самого певца, но и для Глинки, о чем недвусмысленно говорит фраза ходатайства: «..сумма, которую мы имеем, едва-едва достаточна для жизни нашей (выделено мною. — С. Л.) в Италии» [6, с. 76].

Письмо Воронцова-Дашкова с поддержкой ходатайства Иванова было зарегистрировано в Министерстве Императорского двора 24 ноября 1830 г. 25 ноября ходатайство было поддержано Ф. П. Львовым и, видимо, тогда же рассмотрено П. М. Волконским, решительно исключившим Глинку из числа нуждающихся в финансовой помощи. Уже на следующий день министр препроводил директору Капеллы 700 руб. с пометой: деньги Всемилостивейше пожалованы «в пособие находящемуся в Италии Придворному певчему Николаю Иванову» [6, с. 78].

Прошло несколько месяцев, Иванов усиленно занимался с итальянскими педагогами, постепенно склоняясь к мысли о целесообразности занятий театральной практикой. Получив на это дозволение из России, он, поддержанный Глинкой, покинул Турин и отправился в Неаполь, где планировал начать театральную карьеру.

В новом ходатайстве, поданном уже из Неаполя, Иванов не только напоминал о выплате причитающихся ему средств, но и испрашивал дозволения продлить пребывание в Италии на полгода. Князь П. М. Волконский, выступив, как и прежде, посредником в решении вопроса, письменно уведомил Ф. П. Львова о соизволении императора поддержать певчего.

Певец остался в Неаполе и, как показало время, не зря. 6 июля 1832 г. состоялся его успешный дебют в неаполитанском театре Сан-Карло. Окрыленный удачей, Иванов подал новое ходатайство о еще одном продлении срока пребывания в Италии. Но, вопреки ожиданиям, на этот раз разрешение получено не было. П. М. Волконский сообщил Ф. П. Львову о пожелании императора: Иванов должен вернуться в Россию до 22 сентября 1832 г. [5, с. 103]. Однако по неизвестным причинам решение вскоре было изменено, и певцу все же было позволено вернуться в Россию позже, к весне 1833 г. [6, с. 104]. Впрочем,

Иванов счел и эти сроки слишком сжатыми. Заключив за это время контракты с несколькими итальянскими театрами, он подал рапорт об увольнении из Капеллы «по здоровью».

И М. И. Глинка, видимо, чувствуя в этой ситуации нечто недоброе, предпочел разорвать отношения с Ивановым. Спустя годы, вспоминая о прошедшем, композитор усиленно подчеркивал: он пытался повлиять на Иванова, уговорить его изменить решение, вернуться на родину.

В Неаполе мы познакомились с тамошним придворным живописцем, который нашел способ представить Иванова ко двору, где он пел с успехом, вследствие чего и дебютировал, как известно, в Teatro S. — Carlo в Анне Болене.

Я тогда советовал Иванову, не прося отсрочки, ехать в Россию, и потом, побыв там год, взять отставку и снова потом возвратиться в Италию. Он пренебрег моим советом.

Вообще Иванов был человек трудный, черствый сердцем, неповоротлив и туп умом. Достоинство его состояло в прелести голоса и некоторой инстинктивной способности подражать в пении. Мы с ним не ссорились, но не могли также похвалиться особенной дружбой. Когда мы расстались в Неаполе, то прекратились все между нами сношения [1, с. 134].

Однако то были воспоминания, пришедшие к Глинке годы спустя. Во время развития событий он все же придерживался несколько иной точки зрения, высказывая понимание идей Иванова. Во всяком случае, еще в феврале 1832 г. писал о своем приятии намерения своего спутника остаться в Европе [3, с. 454].

Тем не менее решение было принято. Приняв его, Глинка, конечно, сознавал, что подводит таким образом отца, но все же пошел на этот шаг, полагая, что такой выход из ситуации будет для него и его семьи наименьшим из зол. Не исключено, что свою роль здесь сыграла история другого «невозвращенца», к тому времени уже члена семейства Глинки, Ф. Д. Гедеонова [4, с. 314–325]. Тот тоже стоял на пороге сложных отношений с высшей российской властью, и не исключено, что разговоры о начинающейся примерно в это же время буре августейшего гнева в отношении Ф. Д. Гедеонова были уже слышны М. И. Глинке (напомню: жесткая переписка императора и Ф. Д. Гедеонова по поводу решения последнего остаться во Франции и вступить в действующую армию Египта началась в конце 1833 — начале 1834 г. [4, с. 314–325]). Если это так, логично предположить, что поступок музыканта был вполне оправдан, излишне привлекать к семейству внимание власти было совсем незачем.

Между тем, рапорт Иванова об увольнении дошел до Николая I. И вновь все замкнулось на П. М. Волконском. Излагая волю императора, министр сообщил Ф. П. Львову и через него — певцу: Высочайшего позволения на увольнение нет.

Ситуация для Иванова становилась попросту опасной: в письме министра прямо говорилось о том, что певец к назначенному сроку должен быть «непременно выслан» (выделено мною. — С. Л.) в Санкт-Петербург [6, с. 108]. Иванов пытался убедить российские власти в том, что состояние здоровья ему не позволяет вернуться, на что в следующем письме П. М. Волконского воля императора была передана в еще более жестких тонах: графу Штакельбергу, тому самому русскому посланнику в Неаполе, которому еще недавно князь

посылал рекомендательное письмо на Иванова, «самолично удостовериться в точности показания доктора», если певец действительно болен, «отсрочить ему отпуск еще на четыре месяца». Если нет — «выслать его в Россию отправляя от одной миссии до другой» (выделено мною. — С. Л.) [6, с. 109]. В такой формулировке воля императора уже была похожа на приказ об аресте и отправке в Россию под надзором. Штакельбергу удалось повлиять на решение, мотивируя необходимость Иванову остаться в Италии до истечения срока заключенного контракта. Подытоживая результаты конфликтной ситуации, П. М. Волконский сообщил окончательное решение Николая I: Иванова оставить в Неаполе до истечения срока контракта, чтобы после он «непременно отправлен был в Россию» (выделено мною. — С. Л.) [6, с. 116].

Осознавая трудность положения, Иванов внезапно «пропадает» из поля зрения русских властей, «растворяясь» на просторах Европы. «Ситуация разрешилась несколько непонятным образом, — фиксирует современный исследователь. — 26 сентября 1833 г. Министр Императорского двора князь П. М. Волконский направляет г-ну Обер-Гофмаршалу Нарышкину рескрипт за № 3312: “Государь Император Высочайше повелеть соизволил: Придворного певчего 14-го класса Николая Иванова, уволенного в отпуск за границу и ныне неизвестно куда скрывшегося, исключить из списков Придворной Конторы, прекратив производство ему содержания”» [6, с. 118–119].

Во время кульминационного этапа развития дела Глинка, вдали от Неаполя и Иванова, всем своим «единообразным» (М. И. Глинка) существованием подчеркивает, сколь он далек от музыкальных побед своего спутника и недавнего приятеля. У него добрые отношения с супругой бывшего российского посланника в Риме княгиней Гагариной, у которой в венецианском театре «отличная ложа»; он много и плодотворно работает; в отличие от Иванова получил дозволение на продление пребывания в Европе еще на год (а, значит Ходатайство об этом подавал, хотя самого документа не сохранилось). Но настроение у него ужасное: «грустно, <...> погода дурна, нервы в изнеможении» (Из письма С. А. Соболевскому. Венеция. [3]/15 марта [1833 г.]) [2, с. 71]. И, думается, виной тому не только обостренная реакция композитора на причуды итальянского климата, то безмерно радовавшего музыканта, то погружавшего его в глубочайшее уныние. Глинка принимает решение выехать из Италии. Впереди у него Вена, Берлин, Россия.

Казалось бы, скандальная история закончилась вполне благополучно. Иванов, оставшись в Европе, сделал прекрасную карьеру. М. И. Глинка вернулся на родину. Правда, основания для возвращения были печальны: болезнь и смерть отца (апрель 1834 г.). С большой долей осторожности решусь все же предположить: кончину И. Н. Глинки вполне мог ускорить финал европейского вояжа Иванова и сына, на разрешение которого он решался четыре года с большими сомнениями.

Пожалуй, единственный, кто остался в этой ситуации «в проигрыше», был П. М. Волконский, оказавшийся в силу своего должностного положения в центре конфликтной ситуации. Нужно отдать ему должное: до определенного времени он старался способствовать тому, чтобы пребывание в Италии певчего Иванова было возможно более комфортным. Но со стремительно

меняющейся ситуацией справиться не смог. Впрочем, имя музыканта, сопровождавшего певчего и сумевшего вовремя отгородиться от сложной ситуации, безусловно запомнил. Как, кстати сказать, запомнил роль, сыгранную Глинкой в инциденте с Ивановым, и император.

С этой точки зрения нет ничего удивительного в том, что неблагоприятный инцидент, из которого так удачно вышел Глинка, не повлиял на судьбу будущего композитора: его лояльность к власти и непричастность к поступку Иванова не вызывали сомнений.

Лично же М. И. Глинка и П. М. Волконский познакомились только в 1836 г. В письме к матери 1 мая 1836 г. композитор отмечал:

Граф Вельегорский представил меня Волконскому и без моей просьбы еще раз просил его о помещении меня к театру по случившейся на тот раз вакансии, что Волконский принял очень хорошо и на другой же день об этом сказывал Геденову [2, с. 94].

Однако места в театре Глинка так и не получил. Сам композитор винил в том директора Санкт-Петербургских Императорских театров А. М. Геденова, хотя причины происшедшего были сложнее.

П. М. Волконский и впоследствии был благосклонен к Глинке. Возможно, свою роль в этом сыграли контакты музыканта с членами семьи министра, о чем речь впереди.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глинка М. И. Записки // Михаил Иванович Глинка. Литературное наследие / под ред. В. Богданова-Березовского. — Л.; М.: Государственное музыкальное изд-во, 1952. — Т. I: Автобиографические и творческие материалы.
2. Глинка М. И. Литературное наследие / под ред. В. Богданова-Березовского. — Л.: Государственное музыкальное изд-во, 1953. — Т. II: Письма и документы.
3. Зильберштейн И. Новонайденное письмо М. И. Глинки к З. А. Волконской // Памяти Глинки. 1857–1957: Исследования и материалы. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 441–457.
4. Лащенко С. К. «...Отношения без всяких видов...» (М. И. Глинка и Геденовы) Ст. 2 // Вестник РХГА. — 2019. — Т. 20, вып. 3. — С. 314–325.
5. Петрушанская Е. М. Михаил Глинка и Италия. Загадки жизни и творчества. — М.: Классика XXI, 2009.
6. Плужников К. Николай Иванов. Итальянский тенор. — СПб.: Центр современного искусства, 2006.